

УДК 801.81:398.21(470.53)

ЕЩЕ РАЗ ОБ ОБЛИКЕ БЕСОВСКОМ. Статья 2 (на материале мифологических рассказов Пермского края)¹

Ирина Ивановна Русинова

доцент кафедры общего и славянского языкознания

Пермский государственный университет

614990, Пермь, ул.Букирева, 15. irusinova@mail.ru

В статье рассмотрены воплощения, особенности звукового поведения и номинации одной из ипостасей «вселяющихся» духов (духов, внедренных колдуном в человека), по данным мифологических рассказов Пермского края. Наиболее частотные названия данных духов – черт, бес и их производные. В качестве наименования могут использоваться слова порча, икота (икотка), хитка, которые в пермских говорах называют не только болезнь, вызванную колдуном, но и вселенного духа.

Ключевые слова: народная демонология; духи, вселяющиеся в человека; демонологическая лексика Пермского края.

В настоящей статье мы продолжаем анализ облика и номинаций духов, «вселяющихся» в человека, начатый в предыдущей публикации [Русинова 2010].

Идея одержимости бесами как причина многих заболеваний, помешательств, истерических состояний людей, по свидетельствам этнографов, носит почти универсальный характер в верованиях большинства народов мира [Виноградова 2000: 290]. Э.Б.Тайлор в своей книге «Первобытная культура» приводит многочисленные примеры вселения «болезнетворных духов» в человека. Прочитываем здесь только один пример, который показывает, как устойчиво воспроизводятся древние магические представления в традиционной культуре: «Этнография Америки указывает малокультурные племена, приписывающие болезни действию злых духов. ... Эти духи обладают способностью посылать в тело человека дух любого существа или предмета, например дух медведя, оленя, черепахи, камня, покойника; эти духи, входя в человека, причиняют ему болезни. ... Монах Роман Панае упоминает в своем курьезном рассказе, как туземный колдун снимает с ног пациента болезни (подобно тому, как снимаются панталоны), выходит за двери, отгоняет духа дуновением и посылает его в горы или в море. Церемония заканчивается обыкновенно высасыванием больного места и воображаемым извлечением *камня, куска мяса или другого предмета* (выделено мной. – И.Р.), которые были вложены в больного покровительствующим ему духом или божеством в наказание за то, что он не построил ему храма или пренебрегал молитвами или приношениями» [Тайлор 1989: 323].

Л.Н.Виноградова в монографии «Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян» пишет о поразительной живучести архаических представлений о болезненных состояниях как следствии вселения в человека вредоносных духов и приводит отличительные особенности «вселяющихся» духов, в числе которых следующие: «...они способны при определенных обстоятельствах принимать вид насекомого или хтонического животного; они могут вполне независимо существовать в теле человека, покидать его под воздействием ритуалов «изгнания» и переселяться в новую жертву; внутри человека размещаются в голове, горле, груди, сердце, желудке, иногда в крови; моменты вселения или выхода из больного нередко сопровождаются дуновением ветра; результатом вселения было не только странное поведение, психические расстройства, но пострадавший якобы приобретал пророческий дар и чудесное сверхзнание» (разрядка автора. – И.Р.) [Виноградова 2000: 298].

Устойчивость представлений о «вселяющихся» духах подтверждают записи мифологических рассказов, сделанные в Пермском крае. Причем характеристики духов, отмеченные Э.Б.Тайлором для первобытных народов, данные Л.Н.Виноградовой для славянского ареала по фольклорным записям XIX-XX вв. и имеющимся письменным памятникам, удивительно перекликаются с теми, которые обнаруживаются в пермских материалах (*Пришла какая-то цыганка и сказала матери, что вылечит отца. Потом достала золотое яичко и начала ему катать. И выкатала камень, как яйцо* (Чердынь); *С гриба-*

ми муха в рот попала, а теперь она лягушка уже. Прёт всё время, водички надо (Белкина Солик.); Поветрище – это люди плохие говорят и через ветер отпускают человеку, который потом болеет. Это врачами не лечится. Нужно к знахаркам ходить. Они чем-то брызгают, читают что-то (Лопвадор Кудымкар.)).

«Вселяющиеся» духи, по данным пермских источников, переживают два «превращения», дважды «пересекая» границы человеческого тела, и, таким образом, имеют три ипостаси: 1) выступают в качестве помощника колдуна, орудия магического воздействия, будучи еще не вселенными в жертву; 2) обитают в теле жертвы, будучи вселенными туда колдуном; 3) покидают тело жертвы, будучи изгнанными с помощью лечебной магии.

В первой статье, посвященной бесам-помощникам колдуна, мы показали, какой облик и наименования наиболее характерны для данных персонажей в пермской фольклорной традиции [Русинова 2010]. В данной статье анализируется следующая стадия «развития» этих персонажей – ипостась духов, находящихся внутри человека. В соответствии с пермскими мифологическими рассказами, при вселении беса в человека происходит значительное изменение его облика и поведения. Если на «стадии» до вселения бесы, выступающие в качестве помощников колдуна, представляют собой консолидированное множество существ с четкими внешними признаками, но слабо выраженным звуковым портретом, то на стадии «вселившегося» духа все наоборот: былички почти ничего не сообщают о «внешности» персонажа, зато активно включают сюжеты о его звуковом поведении. Мы покажем различия первой и второй ипостасей изучаемого персонажа через их характеристики.

Наименование персонажа. Вселившийся дух, так же, как и помощник колдуна, в быличках называется *бесом*, *чёртом* (*Уж во мне сидит бес, да не один ещё. Крест-от в своё время не носила, колдуны и напоили, опутали. Завидовали семье нашей* (Перино Караг.); *Она [порча] внутри посажена. Какой-ко бес* (Рожнево Черд.); *Мужа моего погубили черти-те. Он в Березниках лежал в больнице. Говорили, что камни в почках. А это в него чёртики забрались. Они невидимы, нам не покажутся. Какое место болит – от чертей это* (Лимеж Черд.)).

Часто в качестве названия обеих ипостасей персонажа употребляются производные от *черт*, *бес* с уменьшительными суффиксами – *бесёнок* и *чертёнок* (*Вот это говорят, что будто бы сажают бисей друг другу. А вот эта бабка, она,*

мол, говорит бесёнком. Вот у неё такой период придёт, она начинает говорить таким грудным голосом изнутри и совсем другое. Это она думает, что это в неё был посажен какой-то бес (Петрецово Черд.); *У меня чертёнок есь. Я сама грешна, где-ко поймала. Фетиска-покойничек был тоже. Они [семья] знали [были колдунами]. Дак вот я, наверно, толды испортилась* (Усть-Уролка Черд.)). Об использовании в качестве имени духов-помощников колдуна слов с уменьшительными суффиксами мы уже писали [см.: Русинова 2010]. В данном же случае народное сознание подчеркивает не только маленький размер персонажа (он должен поместиться внутри человека, например в голове), но и особое к нему отношение. Бесноватые такого рода часто могли предвещать, к ним обращались за помощью, поэтому через номинацию передавалось если не уважение, то желание задобрить духа. Кроме того, задобрить духа должен и человек, носящий его в себе: будучи рассерженным, «бесенок» вызывал приступы болезни, чревоуращения, а иногда даже «не позволял» жертве есть (*А у матери порча была. Она когда выкатится, она [мать] говорит: «Смотрите, смотрите, в этом месте как мышонок вот такой». Она его поймает и говорит: «Я тебя сейчас задушу». А был посажен мужчина ей, мужская порча была. Как начнёт матькаться, как начнёт матькаться! Она [порча] говорит: «Я тебя с голоду заморю!» Никак эта старушка не могла ложку взять, не могла кушать, она не давала, эта порча, есть. Вот день она голодует, два, три. Потом же опять эта порча ей скажет: «Ну что, поумнела? Ладно уж, иди пожри маленько»* (Вильва Солик.) [Подюков 2006: 165]).

Наши материалы показывают, что в сознании носителей традиционной культуры часто происходит смешение понятий о приеме магического воздействия и духе, вселенном колдуном в человека и эту болезни вызывающем. Это приводит к использованию в качестве номинаций и болезненных состояний, по народным представлениям, причиненных колдовством, и «вселяющихся» духов одних и тех же лексических единиц, например, слов *порча* (ср.: «Порча, чары – совокупность вредоносных магических приемов и предметов, используемых ведьмами, колдунами и другими «знающими» для причинения ущерба здоровью... Одной из наиболее тяжелых форм порчи являлось насылание на человека нечистой силы, которая поселялась внутри него, мучила его, в результате чего человек становился бесноватым» [СД 2009, 4: 178, 181]), *икота* (*икотка*) (ср.: «В районах Русского Севера термин икота,

икотка обычно является синонимом кликушества – одного из видов бесноватости, вызываемого порчей и проявляющегося в сильных нервных припадках, сопровождаемых криком. В этом случае икота обозначает одновременно и саму болезнь, и злого духа, который эту болезнь вызывает» [СД 1995, 2: 402]), **хитка** и др. (А дак вот **икотка** – та же **порча**. У нас была одна с икоткой, всё икала ходила. А ещё вместо икотки колдун вселяет в человека **чертёнка**. Была у нас и такая. Когда в ней чертёнок говорил, дак она будто задыхалась, говорила не своим голосом (Губдор Краснов.); **Порча** есть ещё внутри человека, сидит. Она даже разговаривает (Вильва Солик.); **Икотку** подсаживают. Дак он [испорченный человек] зачёт, зачёт. Вот когда [знахарки] слова говорить будут, тогда вот сильно ичут (Пянтег Черд.); У меня была **хитка**, всю правду говорила. Лонись она из меня вышла – видно, умирать мне скоро (Пегушино Солик.); **Икотку** ишо **хиткой** называют. На колышке да и от подружки ей попало (Пянтег Черд.).

Нередко бес, живущий внутри человека, получает собственное имя-антропоним. Этому способствуют раздвоение языкового поведения, характерное для «испорченного» колдуном человека (данную черту кликуш отмечают ученые (см.: [СД 1995, 2: 509]) и персонификация болезни, типичная для традиционного сознания. (См.: «Антропоморфическое представление болезней весьма часто в заговорных формулах и вообще свойственно мифологическому мышлению, обладающему свойством конкретно-чувственного восприятия мира в значительно большей степени, чем сознание современного человека» [Черепанова 2005: 18]). Чаще всего бес получает мужское имя (И вот живёт сейчас во мне бес **Егорка**. Тридцать лет уж живёт (Перино Караг.); Мясо никогда не ела икотка. Сидит, бывало, и вот начинает икать. То конфеты попросит. Она как говорит, и не она. Тот [чертёнок] её представляет. А, бывает, они называются. Того-то, кажется, **Иваном** звали. Говорил мужским голосом (Чермоз Ильин.). У Маланьи Федотовны порча-икотка был. Его **Григорием Ивановичем** звали. Он пицал так, когда говорил. И заикой был. Ворожил (Б. Кусты Куед.).

Иногда в человеке «поселяется» «семейная» пара бесов (Говорили, у мамы два чертёнка внутри сидели. Их звали **Филарет Васильевич**, **Миладора Васильевна**. Как в горло они кинутся, так её скипидаром отваживали... А кто спортил, тот и имя давал чертям (Черд.) У нас одной порчу по ветру пустили. «**Манька да Ванька**» – так они себя называли. Её старухи как-то

достают. Она как колобок с глазами (Никольск Куед.).

Известны тексты, в которых фигурирует целая «семья» подобных духов: *Потом она [высушенная ящерица] срастается. И стала разговаривать. Люди узнали: «Как, говорит, у тебя зовут там живулька?» Она [хозяйка] говорит: «Макарко»... [Хозяйка бесу] говорит: «Я тебя выживу», а он отвечает: «А у меня Макариха есть». – «Я и её выживу». – «А у меня макарёнки есть» (Камгорт Черд.); Ой, у меня мать сама с порчей была... Сидели у ней четверо. «Я **Павел-Григорий**, – говорил, а баба моя татарка и двое **робята** у нас» (Пожва Юсьвин.).*

Духи-помощники колдуна чаще всего не имеют собственного имени, потому что они представляют собой совокупность существ, обитающих вместе, вместе совершающих какие-либо действия и поэтому носящих общее название, даже если оно образовано от имени человека (Был злостный колдун. У него была дочь Катя. У него тусок был. И все колдунские **иванушки** у него лежали в тусеке. А **иванушки**-то – это колдунские приспособления... Им-то, родным, они котятами казались (Вильва Солик.)).

Визуальный облик персонажа. Как мы упоминали выше, былички часто не описывают внешнего облика изучаемой ипостаси «вселяющихся» духов. Если же такая характеристика присутствует, дух имеет «вид мелкого животного или насекомого (жабы, мыши, змеи, мухи и пр.)» [СД 2009, 4: 180]. (Порча, икота-то разговариват – как **лягуша** или как **ящерица** сидит в человеке (Монастырь Гайн.); С грибами **муха** в рот попала, а теперь она **лягушка** уже. Прёт всё время, водички надо (Белкина Солик.); Колдуны выпускают их. Они их выпустят, **муха** маленькая залетит в тебя, и всё – будешь жить и мучиться. Муха-то там растёт в человеке – болеет человек... Она там у него всё проест, точит его (Лызиб Солик.)).

Нами обнаружена следующая тенденция: если у духа описано звуковое поведение, то, как правило, отсутствует визуальный портрет, но если описан внешний облик духа, то он чаще всего «молчит». Данная зависимость объясняется, на наш взгляд, тем, что возникает противоречие между образом-воплощением духа и его звуковым поведением. Когда злой дух (бесёнок, чертёнок, порча, икотка, хитка) под воздействием приемов лечебной магии покидает организм больного человека (это уже следующая ипостась духа), он имеет облик насекомого, мелкого животного, маленького человечка или полиморфного существа, предмета с явными признаками животного (глазами, усиками и т.п.). Однако, нахо-

дьясь внутри, дух часто говорит как человек или производит звуки, характерные для домашних животных и птиц (собаки, петуха и под.). То есть налицо несовпадение двух кодов – визуального и звукового. Именно поэтому, имея в виду конкретность сознания авторов мифологических текстов (собака, петух большие, в человеке поместиться не могут), мы можем сказать: по этой причине внешние признаки вселенного духа вербализуются.

Звуковое поведение.

Среди наиболее типичных признаков бесноватости в русских поверьях считались непроизвольные крики пострадавшего, который под воздействием злого духа начинал кликать, отзывался голосами животных, бранился «черными словами». Кроме того, состояние невменяемости, одержимости часто сопровождалось сильной икотой, зевотой, ознобом, истерическими припадками. В севернорусских областях одной из разновидностей кликушества признавали икоту. Эта по преимуществу женская болезнь проявлялась по-разному, но почти всегда, по народным поверьям, была связана с особенностями речевого поведения человека, который либо лишился дара речи и начинал «ухать», кричать по-звериному, либо в нем начинал вещать «не свой» голос [Виноградова 2000: 293].

Приведем из пермских материалов примеры речевого проявления «вселенного» в человека духа. Звуки, производимые духом, всегда непроизвольны, они не зависят от воли пострадавшего, по тембру и высоте тона они непохожи на голос пострадавшего и чаще всего чрезвычайно громки.

Пермский вариант духа может обнаруживать себя

иканием (*Старинну-то порчу признают. Ичут, как душа ладит выскочить* (Вильва Солик.); *Жила-была у нас женщина высокая, красивая, но любила выпить. А соседка поймала ящерицу, высушила, измолола и дала выпить той женщине. И началась у неё икота: как заорёт, заорёт, заикочёт, загорюёт* (Камгорт Черд.); *Чё-то другим голосом каким-то, как икотка у ней начинает «ик-ик-ик», начинает икать* (Петрецово Черд.); *А старуха-то [колдунья] и посадила порчу. Косит [женщина], голова болит, болит, болит. Потом всяко заикала. Ну, её, значит, это, повели домой* (Могильниково Черд.);

выкликанием имени духа (*Есть, есть, это есть. Покликушей кличут. У нас одна женщина, господи! Она билася, билася! Говорят, её испортил мужа брат. Бесёнка какого-то посадил, она его и кликала* (Петрецова Черд.);

смехом (*У нас сватья Борениха была. Дак у неё какая-то хохотунья опеть была. Господи! На её какой-то смех найдёт, дак из мозгов кровь пойдёт, так хохочет!* (Ратегово Черд.);

пением (*У меня в голове черти сидят. Старушка одна посадила. Как выпьешь сто грамм, песни поют там в голове всякие* (Бахари Краснов.);

бранью (*Она [порча] внутри посажена. Какой-ко бес. Он матькатся и чё ли* (Рожнево Черд.); *Пил он как-то с одним амборским. Тот на сплаву робил. Дак после этого у него уже четвёртый год голоса какие-то в голове матеркаются. Люди ему молитву дали, он и ходит с ней, помогает она* (Даньково Черд.); *Да у кого-то икотка разговариват, у кого-то нет. Вот у меня икотка дак, она выпить любит. Вот где увидит вот выпивку вот, ей надо. Выпьет – вот она и начнёт материться* (Пянтег Черд.);

членораздельной речью (*Переругаешься и идёшь на поход. Он в то время залетат, чертёнок. «Я, говорит, сидел на кольшике и слышал: хозяйка ругается»* (Черд.); *У одной бабушки была икота да сама, говорят, говорила: «Я летела, летела да очень замёрзла. Залетела на порог и под метлу села. Потом, кто понравился, к тому и зашла»* (Лопвадор Кудымкар.); *Наташка говорила икотами. Чё-ко спросишь у неё, она и отвечала другим голосом* (Бондюг Черд.); *Колдуны порчу сделают, беса внутрь посадят. Вот старуха у нас была. Сидит и говорит: «Как я меда хочу!» Сама дурным голосом говорит: «Ай, ай, ай! Он в ногу ушёл». Икоткой его называли, беса-то. Бес чё захочет, то чтоб исполнили. А то скажет, кто умрёт. Вот у нас парень застыл, потерялся, бес как бы сказал где* (Дойная Куед.);

нечленораздельными выкриками («уханьем») (*Жила у нас Евдокия, все её Дуней звали. Она с кем разговаривает, а внутри-то у ней как заухает, заухает! Ну вот как мы с вами разговариваем. Потом Дуня молчит, и внутри молчит* (Половодово Солик.);

подражаниями крику животных (*Меня самую портили. Я хворала. Собаку мне посадили. Как я лаяла!* (Керчевский Черд.); *Колдуны-те жили у нас под окном, колдовали, людей портили. Вот маме садили [чертенка]. То жука садят, то лягушку, то по-собачьи лают. Маме был чертёнок посажен. У ней ухал или как собака залает. У кого как: и по-лягушачьи, и всяко* (Красновишерск); *Колдунья ей порчу посадила, дак она по-собачьи лаяла. Как начнёт лаять эта собака в ней! Порча там в ней сидит* (Касиб Солик.); *Старикашка у нас один был. У него жёну в больнице медсестра спортала. В январе у*

ней в левом ухе кобылка начала **ржать**, а в марте она умерла (Купчик Черд.); В 1984 году поехала я в Кудымкар к одной знакомой женщине. Сидим мы с ней за столом, чай пьем да разговариваем. И тут она вдруг **по-петушиному запела**, и до того живо и по правде, что я испугалась. Спрашиваю: «Что с тобой?» – «Это, – говорит, – порчу на меня навели... я этим уже 35 лет болею» (Гайн.) [Бахматов 2008: 251].

Если говорить о звуковом портрете «первой» ипостаси «вселяющихся» духов – помощников колдуна, он совершенно другой: во-первых, эти духи чаще всего «молчат», во-вторых, для них нехарактерна человеческая речь, в-третьих, налицо совпадение визуального и звукового кодов: если дух имеет образ птички (например воробья), он чирикает, если котенка, он пищит (*И вот Катя [дочь колдуна] говорит подругам: «Пойдёмте, у нас у тяти в голбце маленькие **котята пишишат**»* (Вильва Солик.)).

Подведем итог. «Вселяющиеся» духи – «особая категория нечистой силы» [Виноградова 2000: 290-291]. Как показал анализ мифологических рассказов Пермского края, находясь за границами человеческого тела и внутри человека, они представляют разные ипостаси данных духов, которые характеризуются во многом не совпадающими визуальными, звуковыми параметрами, имеют отличия в номинации.

¹Исследование выполнено при поддержке грантов АВЦП РНП «Русская речь Пермского края: история и современность» №2.1.3/483; «Лингвокультурное пространство Верхнего и Среднего Прикамья» №2.1.3./2175; РГНФ «Тематический диалектный словарь “Человек”» № 09-04-82402 а/У.

Список литературы

Бахматов А.А. Русские в Коми-Пермяцком округе: обрядность и фольклор. Материалы и

исследования / А.А.Бахматов, Т.Г.Голева, И.А.Подюков, А.В.Черных. Пермь: Изд-во «ОТиДО», 2008. 502 с.

Виноградова Л.Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М.: Индрик, 2000. 432 с.

Подюков И.А., Черных А.В., Хоробрых С.В. Земля Соликамская. Традиционная культура, обрядность и фольклор русских Соликамского района. Пермь: Перм. кн. изд-во, 2006. 224 с.

Русинова И.И. Еще раз об облике бесовском. Статья 1 (на материале мифологических рассказов Пермского края) // Вестник Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. Вып. 3 (9). Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2010. С.18-25.

Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах / Под общей ред. Н.И.Толстого. М.: Международные отношения. Т. 2. 1995. 584 с. Т. 4. 2009. 656 с.

Тайлор Э.Б. Первобытная культура / пер. с англ. Д.А.Коропчевского. М.: Политиздат, 1989. 573 с.

Черепанова О.А. Девы-трясавицы, Иродовы дочери (типология и генезис названий лихорадок в заговорах и народной речи) // Черепанова О.А. Культурная память в древнем и новом слове: Исследования и очерки. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. С. 17-29.

Условные сокращения районов Пермского края

Гайн. – Гайнский
Ильин. – Ильинский
Караг. – Карагайский
Краснов. – Красновишерский
Куед. – Куединский
Солик. – Соликамский
Черд. – Чердынский
Юсьвин. – Юсьвинский

FURTHER STUDY OF THE DEMONIC IMAGE. Article 2. (Perm Krai mythological stories case study)

Irina I. Rusinova

Associate Professor of General and Slavonic Linguistics Department
Perm State University

The article deals with various embodiments, peculiarities of vocal behaviour and nomination of one of the hypostasis of demons, able to “possess” a person (when diabolized by a sorcerer), represented in the texts of the mythological stories of Perm Krai. Their most frequent names are ‘tchert’ (devil) and ‘bes’ (demon) and their derivatives. The following nominations in Perm dialects name both the disease, induced by the sorcerer and the name of the demon, possessing a person: “portcha” (evil curse), “ikota/ikotka” (hiccup) and “khitka”.

Key words: folk demonology; demon, possessing a person; beastlike demon; demonological lexis of Perm Krai.